

Знаешь молодого музыканта

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Алексей
НАСТ

18+

Алексей Наст

Забавы молодого мужчины

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Наст А. Н.

Забавы молодого мужчины / А. Н. Наст — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

ISBN 978-5-5321-2196-6

Роман состоит из коротких историй, которые случились с главным героем. Истории в чём-то забавные, в чём-то поучительные. Яркие приключения, колоритные персонажи, динамичное повествование. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-5321-2196-6

© Наст А. Н., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Однако!	5
«Дама» с собачкой.	6
Захотел в армию.	7
У, сука!	9
Радиоигра.	11
Воруют помидоры.	12
Шевели задницей!	13
Просто повезло!	16
Нам это надо слушать!	17
Мои первые тридцать.	18
Тут вам не Москва!	21
Граница.	22
Погранец погранец видит издалека!	26
Четыре сержанта.	27
Героический рейд. Освобождение заложников.	28
Соль.	33
Порно-порно!	36
Никогда не покупайте просроченных продуктов!	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Однако!

Я в армии. Уже великий сержант, герой, и тому подобное. Спецвойска, боевой опыт, помимо стандартного тридцатипятидневного отпуска, ещё впереди двухнедельный, поощрительный. В общем, всё на высшем уровне. Но первым в отпуск (поощрительный) поедет Женя Фикс, я после него. Итак, история...

Приходит ко мне Женька, и говорит:

– Лёшка, мне перед отпуском надо как-то настроиться. Пойдём сегодня вечером в наш ДК на эротику? «Калигула» будет сегодня.

А у нас в части процветал бизнес – начальник клуба, с разрешения начальства, естественно, за деньги гнал каждый вечер фильмы, и все, кто был свободен от нарядов, ходили их смотреть. И это было здорово, и правильно. Парни отдыхали, не чувствовали себя оторванными от повседневной жизни. В рабочие дни показывали комедии, боевики, триллеры. В субботу-воскресенье фильмы шли целый день. А с вечера пятницы плюс вечером в субботу, и вечером в воскресенье – эротика. Не сопливая эстетическая эротика с полунамёками, а настоящая, жёсткая. А что? Мы все взрослые люди, многие женатые и дети есть. То есть, всё правильно, всё ровно. Настоящий боевой мужской коллектив, и свои, мужские, развлечения.

Так вот, Женька меня и зовёт:

– Пойдём?

Я говорю: «Ладно».

«Калигула» – классика. Наверное, его многие смотрели, если не все.

Итак, пошли. Нам там места заранее заняли удобные, перед экраном. Кто курит – их назад, чтобы дым не мешал другим смотреть. В общем, сидим, смотрим, приобщаемся к культуре.

Калигула, вообще-то, был молодым мужиком, таким его и удавили, не выдержали его сексуальных загибов. Но в фильме Калигулу играл взрослый мужчина. Ну, и ладно – таков замысел режиссёра. Смотрим.

И вот момент. Калигула пришёл на свадьбу к своему молодому другу-поэту. Тот, вообще, крутой поэт, гений Римской империи. Едят, пьют. Куча гостей. И тут Калигула говорит: «Пора опробовать невесту!». Все гости одобрительно зашумели (попробуй не пошуми!).

Втроём уходят в большую белую залу: невеста, жених-поэт и Калигула.

Следующая сцена:

Поэт сидит на каком-то подиуме, тоже белом. Она лежит, голова у поэта на коленях. Она плачет. Калигула её шпарит, и чем-то не доволен. Поэт уговаривает невесту: «Потерпи, потерпи, родная, это же император!».

Но император всё равно не доволен.

– Фигня!

Откинул её, схватил поэта.

– Посмотрим, на что способен ты!

Бах его на живот опрокинул, тунику задрал, и как влупил. Тот орёт, плачет, ногами дёргает. А император ещё больше в раж входит...

Женька повернулся ко мне:

– Однако!

«Дама» с собачкой.

Начало мая 2017 года. Вышел из троллейбуса на остановке Муниципальный банк (по-старому Дом Быта), и с Красного проспекта двигаюсь в сторону стадиона «Спартак». Кто живёт в Новосибирске, тот представляет место действия.

Иду на работу.

Девушка выгуливает собачку. Не маленькую, трогательную козьявку, а боксёра. Морда сплюснутая, грудь широкая, ноги короткие. И он с азартом роет землю на клумбе, и лает сам себе под нос. Сам с собой разговаривает. Он без поводка. Девушка в сторонке стоит, ждёт. Холодно. Солнце светит, но холодно. И её это утомляет. Тот занимается с ярко выраженным интересом и довольно долго – ям вокруг уже множество. Лает себе под нос и роет.

Девушка не выдержала:

– Хватит рыть! Зае..ал!

Захотел в армию.

Я был обычным пареньком. Был, да и был. Когда пришло время идти в армию, я сказал матери, что пойду служить. Она сказала: «Ну, и дурак!». Тогда СССР уже потряхивало от Горбачёвской Перестройки, на носу были «лихие 90-е», и все «косили», или ехали жить в Германию, или шли в бандиты. А я пошёл в армию.

К тому времени я успешно закончил строительный техникум (по-нынешнему колледж), и меня автоматически (без экзаменов) зачисляли на третий курс строительного института. Но я так устал чертить чертежи и устал учиться... Потому мать сказала: «Ну, и дурак!», но переубеждать не стала. Хочешь в армию? Иди! У нас семья исповедовала правильные понятия – служба в армии для мужчины считалась событием обыкновенным, а откос от армии вызывал пожизненное презрение. Кто уважает трусов, какими бы умными они не считались? Взять историю нашего государства, времена Екатерины Второй, Петра Великого, да всей Российской империи, Советский период, Великую Отечественную войну. Всегда воинская служба государству приветствовалась. Сын шёл служить, а, чаще всего воевать, и это было почётно, такими сыновьями гордились. Но в конце восьмидесятых двадцатого века, когда зажрались наши родители от развитого социализма, и в начале девяностых на армию пошёл вселенский хай, все массово начали «отмазывать» чад от службы Родине... Да, мерзкое было время. Но я пошёл в армию. И если вы думаете, что эта книга лишь о службе в армии, то ошибаетесь – армия, лишь эпизод в моей суетливой, но, как я считаю, правильной жизни.

Итак, я сходил в военкомат, там мне выдали повестку: «Придёшь 18 мая», после вернулся домой очень собой довольный – мне обещали, что возьмут в пограничные войска. А это очень круто! Застава, небольшой дружный коллектив, дозоры, собаки, нарушители границы (куда без них?!)...

Меня обманули... Как сейчас говорят: развели, как лоха! Как? Узнаете из дальнейшего текста... А пока отвлекусь на воспоминание о своих проводах. Нагружать подробностями не стану – это лишнее. Провожать меня пришли сестра, мать и отец. Звучал марш «Прощание славянки». У всех парней были девушки, они плакали, обнимали их, целовали. А я как чмо, стою неприкаянный, близкие люди меня подбадривают: «Два года пролетят быстро! Вернёшься возмужавшим!», а я уже один.

Отец сказал: «Правильно, что в армию пошёл!»...

Нас посадили в автобус ПАЗик – нас было всего двадцать три человека, и увезли из пункта отправки на пустырь – до поезда было ещё два часа, а местных военных наше мероприятие, видимо, успело быстро утомить, потому нас и отправили побыстрее с глаз долой. За всеми поехали родные на машинах. А у моих родителей машины не было, за мной никто не поехал.

Мы встали на краю пустыря, и все родные и любимые, все снова давай обниматься, говорить, говорить и снова обниматься. И только я один остался в автобусе, сижу на переднем кресле, перед перегородкой, которая отсекает кабину водителя, смотрю в наклеенные на неё графики и ведомственные инструкции – такая меня тоска взяла. И я подумал: «Что-то зря я в армию пошёл!»...

Женщины не должны охранять виноградники!

Едем на грузовике «Урал» из полка на базу. Расстояние – восемьдесят километров по отличной асфальтированной трассе. Вокруг бескрайние виноградники. В кабине нас четверо: водитель – сержант Амреев из Алма-Аты, я, мой лейтенант, такой же пацан, на год меня

старше, и прапорщик Кулиев – местный азербайджанец, ему тридцать пять лет. Остановились «отлить». Встали, пописали. Лейтенант говорит:

– Давайте винограду наберём!

– Давай.

Набрали винограда около килограмма в мою панаму – будем ехать, в дороге жевать. Так, ради забавы. Всё развлечение.

И вдруг слышим, с середины виноградника женщина кричит и бежит к нам: «Что виноград рвёте?! А?! Что рвёте?! А?!».

Лейтенант:

– Ходу, парни, уезжаем!

Мы уже собрались в кабину лезть, и тут прапорщик Кулиев оценил обстановку:

– Да она здесь одна! Сейчас я её вые...у!

Мы такие обалдели: «Точно!».

И она тут же почувствовала неладное. Осеклась, остановилась. Вокруг бескрайние виноградники, она одна, четыре мужика военных с хитрыми улыбками на лицах... Как она влупила обратно! Только пятки засверкали!

Ну, мы посмеялись, и поехали дальше...

Женщины не должны охранять виноградники!

У, сука!

Сидим в оцеплении – наблюдаем, чтобы гражданские не забрели на территорию манёвров. Сидим на вершине самой высокой горы. Ночь. Великолепный обзор. Луна висит огромная. Светло и холодно. Лето, но холодно. В Закавказье так – днём изнурительная жара, ночью холод невероятный. Мы в обычных камуфляжах. Два младших сержанта. Я и Гена. Радиостанция. Полная экипировка – автоматы АКС, четыре магазина по тридцать патронов, у каждого несколько наступательных гранат РГД-5 (радиус поражения пять метров) – ты кидаешь гранату во врага во время атаки на пятнадцать–двадцать метров и бежишь к нему навстречу, она взрывается, но тебя не успевает достать. Классическая наступательная граната. Лимонка. Есть ещё оборонительные Ф-200. Там разлёт осколков двести метров. Сидишь за стеной, идёт вражеская атака, ты раз её на улице. Шёлк. И нет никого на улице. Зачёт.

Так вот, сидим, замерзаем. А камни огромные вокруг. Они за день накалились на солнце. Очень, очень тёплые. И медленно отдают тепло. Мы с Геной прижались к одному камню в виде плиты – высота метра полтора, плоский, толщина сантиметров двадцать, широкий – нас за ним не видно совсем. Слышим – шум: бежит куча народа.

Гена дёрнулся:

– Наши! Разведрота!

Я рыкнул, понимая всю серьёзность ситуации:

– Сиди, затаись! Это они нам друзья, когда мы в полку. А тут идут учения. Они нас в плен возьмут показательно, поглумятся дурацкими шуткам и перед начальством выставят лохами, а себе заработают поощрительные баллы. И старлей у них долбадон ещё тот! Ты-то всего не знаешь ещё, а я здесь старожил!

Мы с Геной отслужили по полгода, только он недавно прибыл из учебки, где постигал специальность командира БМП-2, там же получил звание младшего сержанта, а я звание получил здесь, в полку, всё начальство знало меня лично, ко всем я был вхож напрямую (штабная крыса), и звали все меня не по фамилии или званию, а по имени. Алёша. И старшим в наряде по оцеплению был я, потому сказал:

– Рот закрыл, и затаись.

Сидим за камнем. Высота камня полтора метра. Сидим. Два вооружённых мужика. Ну и что, что нам по девятнадцать лет. Уже боевой опыт имеется. Мы с виду котят, а на самом деле реальные бойцы. С выдержанными, стальными нервами и безжалостными сердцами.

Уже успели ожесточиться за полгода.

Как писал наш знаменитый новосибирский поэт, погибший в 23 года на войне Борис Богатков: «Нас не надо жалеть, ведь и мы б никого не жалели».

Что правда, то правда...

Ночь, но от Луны светло. Свет такой поганый: «Эта ночь хороша для смерти и зла!».

Прибежали разведчики. Огромное количество человек. Все запыханные, злые, двухметровые парни. А у меня рост обычный, у Гены – тоже, стандартные, не гиганты. Мы попали в спецвойска не за силу и рост, а за умение, знание и образование... Сидим. Таимся... Не дай бог найдут!

Разведрота работает отлаженным, выверенным механизмом – идут приготовления к спуску по канатам вниз. Забивают металлические кольца между глыбами, готовятся. Всё по деловому, методично, спокойно, уверено. Но за одним из камней, толщиной в двадцать сантиметров сидят два вооружённых опытных бойца.

Меня взял азарт: зачем просто отсидеться и после говорить, что мы были рядом, за камнем, когда можно атаковать!

Старлей орёт на своих «звероящеров», командиры взводов – «летёхи», суетятся (по возрасту на два– три года всего старше меня. Так как я штабник, я был с ними на равных, и мы были очень дружны).

Идёт спуск. Без сучка, без задоринки. Великолепно. Высший уровень. Пять баллов, не ниже... Но... За камнем два вооружённых бойца, которых хваленные разведчики проморгали.

И все они спустились. Высота огромная. Наверное, этажей пятнадцать, а то и все двадцать. Очень высоко. Сделали всё грамотно, как по трафарету. Как учили.

Внизу начались начальственные крики, разборки, мол, быстро собираемся, удачно всё провели, и, скорым маршем (бегом с полной выкладкой) двигаем к базе.

Я посмотрел на Гену:

– Ну, Гена, попёрли!

Подбегаем к краю скалы и, направив автоматы вниз, в темноту, громким криком начинаем атаку:

– Та-та-та-та-та-та-та!

– Та-та-та-та-та-та-та!

Смешно? Но у нас реальные автоматы, и реальные, боевые патроны. Всё по-настоящему. Ничего смешного.

– Та-та-та-та-та-та-та!

Голос такой разочарованный снизу старшего лейтенанта:

– Лёшь, ты?!

– Ну, а кто ещё?

Он вздохнул:

– Сейчас гранаты будешь кидать?

– Да. Кольца выдирать не стану – гранаты же боевые. Буду так кидать, как картошку. Мы за камнем сидели. Что за дела? Почему не посмотрели? Процелкали нас!

Старлей своим:

– Поздравляю, разведрота! Мы уничтожены. Сейчас Лёшка комбату доложит, и я доложу полкану о проколе...

Потом тоскливо мне крикнул вверх:

– У, сука!

Я сверху вниз:

– Спасибо!

Радиоигра.

Приезжаю с гор в полк. В родном штабе сидят наши – командир связи и заместитель командира взвода. Сержанты. На столе стоит радиостанция, и они общаются с иранцами. С той стороны идёт радиоигра. Непосредственное личное общение. Вот, как в фильме Бондарчука «9-я рота»: «Ах ты, урод, такая сука!...» и тому подобное. Прямые слова, без интеллигентских расшаркиваний. Тоже было и у нас с иранцами, но мы всегда общались в шутливо– доброжелательной форме.

Значит, приехал я с диких гор в лоно полковой цивилизации, а тут такое развлечение! Самый, так сказать: «Он лайн».

– Дайте-ка мне!

Взял переговорное устройство:

– Привет! Кто на связи?

– Шираз!

– Здорово, Шираз! Это Лёша!

– О, здорово! Что, приехал с гор?

– Да, только что. Так что, друзья мои, записывайте секретные сведения: ваш великий иранский шпион готов давать информацию! Что вас интересует?

Мне весело. Но... мои парни смотрят поверх моей головы на открытую дверь штаба.

Чувствую: попал!

Оборачиваюсь.

В дверях стоят командир батальона, командир полка (оба полковники) и три генерала, с проверкой которые.

Командир полка поясняет генералам:

– Идёт радиоигра.

Один из генералов с важным видом разрешает:

– Продолжайте!

Все уходят.

Вдруг, на пару секунд, возвращаются командир полка и комбат, и оба мне показывают кулаки.

Я улыбнулся, пожал плечами. Ну, правда, это была радиоигра. Реально...

До сих пор смешно, какой дурью мы маялись...

Воруют помидоры.

Лето. Ночь только спустилась. Темень. Ещё очень жарко. Холодно станет лишь часа через два. Я прослужил лишь месяца полтора. Специальность радиотелефонист. Рядовой, тля, дух. Серёжа Стрельцов, сержант, уже не дед, а дембель. Идём в полной амуниции: автоматы, по сто двадцать боевых патронов у каждого, по восемь наступательных гранат, по две оборонительных. Ну, то есть, Рэмбо. Каждый.

Серёга мне говорит:

– Лёшь, давай сейчас завернём на поле, там помидоры растут. Штук по десять возьмём. Тушонка у нас есть, лепёшки есть. Ещё помидорок сорвём, и будем всю ночь жировать на посту.

Зачёт! А я помидоры люблю!

Соглашаюсь:

– Конечно!

Дуем на поле. Естественно, это воровство. Но местное население мы защищали не щадя себя. Так что, думаю, мелкими сельхозкражами мы не сильно досаждали.

Пришли на поле. Тьма кромешная. Я спрашиваю:

– Серёга, а как их в темноте рвать? Вообще ничего не вижу.

– Лёша, щупай их, чтобы мягкие были. Если мягкие, значит, спелые.

Нарвали. Задрали куртки камуфляжей, накидали туда, какие по ощущениям были созревшими. Ну, всё, мы джокеры – идём на пост, будем всю ночь болтать и обжираться, и следить за окрестностями.

И вдруг рёв двигателя снизу – на пригорок выныривает на огромной скорости БМП (боевая машина пехоты). Нас засекли – спецвойска же, вся территория под контролем.

Яркий свет в глаза. На броне сидят человек десять головорезов – прямо, как в фильмах про Афганистан.

Мы щуримся, отворачиваем лица. Серёга ворчит: «Попали!».

И тут старлей с брони своим сообщает:

– А, это наши, помидоры пи...дят. Поехали.

И всё это через секунду уносится. И мы стоим в полной темноте охреневшие. Потом Серёга «оживает»:

– А нормально мы помидоров набрали!

Я соглашаюсь:

– Да, нормально.

– Что, Лёша, пойдём на пост?

– Пойдём.

– Будем есть, смотреть на звёзды... Ты это поле запомни. Я-то скоро домой свалю. А ты, захотел помидорчиков, заскочил... Нормалек.

– Да, надо запомнить...

Как запомнить? Где мы были, как шли? Ничего же не видно – темень... Да... До сих пор люблю помидоры. Семейство пасленовых...

Шевели задницей!

Люблю армию. Люблю армию и спецслужбы. Это моя стихия. В этих делах я, как рыба в воде, причём рыба хищная, а не карась, который от всех улепётывает...

Итак, я попал в спецвойска КГБ, и быстро в них преуспел. Крутил во всю в штабе батальона, имел вес и «вхожесть» ко всем начальникам полка... То есть, жизнь удалась... Служу всего полгода. Даже меньше. Дальше будете читать – узнаете подробности. А тут опишу конкретный случай...

Пишет мне моя любимая учительница Ольга Константиновна: «Так случилось, что мой сынок, Лёша, попал в ваши края. И, что-то он захандрил, что-то ему плохо. А я, судя по твоим мне письмам, поняла, что ты попал в свою стихию и как-то устроился более– менее. Если есть возможность, Алёша, вытащи моего сына. Подтяни его. Всегда твоя Ольга Константиновна.».

Ну, что... Она мне была очень дорогим человеком. Я сразу же кинулся спасать её сына из «болота», хотя с ним никогда не был знаком, но, с её рассказов, был о нём наслышан.

Прибежал к командиру батальона:

– Товарищ полковник, я узнал, в первом батальоне нашего полка есть парень – ас штабного дела. Просто профессионал! Мы так замутим с его помощью!

Василий Иванович был скептичен:

– Ему 19 лет, Лёша. Ты мне пытаешься мозги взгреть?

Я потупился. Да, прокол, не так объяснил. С асом и профессионалом я погорячился, перебрал охренительно!

Но комбат понимающе улыбнулся:

– Что, этот человек тебе очень нужен?

– Очень нужен.

– Ладно. Бери.

– Спасибо, товарищ полковник.

– Да, пожалуйста. Но знай, теперь он – твоя головная боль!

– Спасибо!

Я, на крылья удачи, полетел через всю территорию воинской части в другую четырёхэтажную казарму нашего полка. Миновав плац, вбежал в казарму (размером с пятиподъездный четырёхэтажный дом), стремительно вошёл на первый этаж, рывкнул на дежурного на тумбочке:

– Боец! Где у вас здесь Игорь Блинов?

Дежурный вытянулся смирно, потом стушевался – у меня опознавательные знаки слабые, а веду себя хозяином. Расслабился, показал вдаль коридора:

– Он там, в третьем кубрике.

Иду, смотрю. Там и сям лежат ребята в помятой форме на застеленных кроватях. Какой-то бардак и уныние.

А вот и он – мне его мама подробно описала.

Лежит в одежде на застеленной кровати, но босиком – сапоги с портянками рядом стоят. Вид усталый, понурый, во взгляде безысходность. Парень пришёл в армию с надеждами, с мечтами, с амбициями – ничего нет – задавили пацана.

Я взял табуретку и подсел к нему. Он поднял на меня потерянный взгляд.

Представьте ситуацию – я, тля обычных пропорций, и он – красавчик около двух метров, в меру упитанный, мускулистый... У нас же спецназ КГБ, тут все ребята высоченные и сильные, и умные, и с образованием не меньшим, чем техникум (по-нынешнему колледж). А он лежит потерянный, и смотрит на меня: пришёл ещё один урод нервы мотать.

Но я не стал вдаваться в психологические разбирательства, приступил к «штурму» сразу, дабы объект «штурма» не успел опомниться. Протянул ему руку для пожатия:

– Привет, меня зовут Лёша. Мы с твоей мамой вот такие корешки!

Я потёр оба своих кулака друг о друга.

Взгляд Игоря просветлел. Но он мне не верил – опознавательные знаки у меня, повторысь, были очень слабые.

Я продолжил объяснение:

– Она написала мне, и попросила присмотреть за тобой. Я здесь уже имею некоторый вес. Я из третьего батальона, из штаба. Пойдёшь в мои «рабы»? Я вытащу тебя отсюда без проблем! А? Пойдёшь?

Игорь вздохнул от безысходности – не поверил в мои возможности изменить его жизнь с минуса на плюс, но фыркнул:

– Пойду.

Мне этого только было и надо!

Что самое главное в договорных и любых человеческих отношениях? Подписи? Нет. Бумаги официальные или не официальные? Нет. Действия, произведённые среди свидетелей? Нет! Что же? Слова, сказанные с глаза на глаз. Один другому сказал, другой услышал. Всё. Это самое важное в человеческих отношениях. Так, вообще-то, все браки заключаются: мужчина делает женщине предложение с глаза на глаз (тет-а-тет), а уже после всё «оформляется» при всех...

Так вот, раз согласие получено, можно парня вытаскивать из трясины, в которую он угодил силою обстоятельств.

Я метнулся в штаб полка, к писарям:

– Ребята, там Игорь Блинов в первом батальоне, рядовой, сделайте мне перевод в третий, ко мне, в штабной взвод.

– Пиши запрос, две недели – и всё будет сделано.

– Мне надо сейчас.

– Как сейчас? С дуба рухнул?! – они меня не поняли, думали шучу (я люблю шутить).

– Ну, через минуту, наверное.

– Лёшка, пошёл на хер! У нас миллион дел: карты, инструкции, обзор учений, из-за которых ты получил младшего сержанта и внеочередной отпуск...

– Я это получил за своё усердие!

– Тем не менее...

– Парни...

– Что? – и смотрят с подленькими улыбками на мои терзания.

Писаря, они парни борзые, они любого в полку поставят на место, даже младших офицеров.

– Что?! – я тоже взъярился (я же такой же штабник – тут свои разборки!). – Мне надо, а вы отказываете?! Ладно! Я тоже могу вам устроить весёлую жизнь!

Парни язвительно всхохотнули:

– Ну, попробуй, устрой!

Я сразу сдался – тут напором не пробьёшь. Стал канючить, как тля:

– Ре-бя-а-та-а, ну, выручайте. Человечка надо вытащить... Дорога каждая минута. Ему очень плохо... А я мать Тереза... Корешок мой по гражданке...

Парни сразу потеплели.

– Бумаги мы тебе сейчас сделаем без проблем, но их надо подписывать у всего начальства полка, и у обоих комбатов.

– Делайте бумаги, я соберу подписи сам.

Вот в чём прелесть вхожести к любому начальству даже на секунду.

Влетаешь: «Товарищ полковник, ваша виза!».

– Лёша, что там у тебя?

– Человечка хочу к себе забрать. Хороший человек, стоящий. Раскрыть его таланты надо. А он в роте дурью мается. Дело-то общее.

Подписали все, в течение пятнадцати минут.

Я с бумагами перевода бегу обратно в первый батальон. Прошло времени от разговора с Игорем именно эти пятнадцать минут. Влетаю.

– Коптёр! – ору на весь коридор, и сам полубегом двигаюсь к кубрику, где «лежит» Игорь.

Тот удивился, увидев меня так скоро. В его позе ничего не изменилось – как лежал потерянный, так и продолжал лежать в прежней позиции.

Я показательно удивился:

– Ты ещё не собрался?!

Игорь тут же обалдел и привстал – он понял, что вокруг него началось положительное движение.

Ко мне подбежал коптёр.

– Здорово! Чего хотел?

Я ему всунул бумаги на выдачу и обходной лист, пояснил:

– Собери бойца за две минуты: вещмешок, сапоги, вся амуниция, шинель, шапка... А-а... Всё, что нужно, зимнее и летнее. Обходной лист сам заполнишь. Повторяю, через две минуты он, полностью экипированный, стоит у выхода из расположения. Я – в штаб батальона, отдам бумаги на убытие!

Коптёр лениво уковылял в свои владения. Но, как я знал, всё будет исполнено, согласно озвученного срока.

Я посмотрел на Игоря, сидящего на кровати, растерянного и счастливого. Я на него закричал:

– Игорь! Ты что млеешь?! Иди в коптёрку, получай вещевое довольствие! Через две минуты я наблюдаю тебя у дверей. Я – в штаб батальона, отдам бумаги, всеми подписанные, на твой перевод ко мне.

Игорь снова заулыбался.

Я, очень довольный его реакцией, поощрительно закричал:

– Игорь! Шевели задницей! Начинается совсем другая жизнь!...

Этот человек стал очень близким мне, он оказался настоящим героем, и мы вместе с ними побывали во множестве опасных передряг, и он меня ни разу не подвёл...

Игорь, прочитай это, вспомни всё, и улыбнись...

Просто повезло!

У меня много друзей и приятелей, такой я человек по натуре – открытый для общения. Из них многие служат или служили в органах безопасности и внутренних дел, а многие были отчаянными уркаганами и многократными сидельцами (рецидивистами). И среди тех, и тех есть люди неприятные, а есть просто замечательные. Как везде. Один из моих добрых друзей – Владлен, бывший рецидивист (четыре ходки), весь синий от наколок, любитель вспоминать эпизоды из своей непростой жизни и радостно потешаться над ними.

Как-то с ним случился казус, когда я уже был с ним хорошо знаком, потому о нём он рассказал мне первому. Вечером едет он на своём авто домой, к любимой сожительнице, и, проезжая мимо областной больницы, вдруг замечает путан у дороги (там у них точка, об этом в городе знают, кому положено). Как поёт Семён Слепаков: «Все мужчины изменяют своим жёнам! Все, все, все. Говорят им: «Я не такой!», а сами такие». Вот Владлен, он своей тоже всегда говорит, что он «не такой», а сам, как все, такой. И он подумал: «Почему бы нет?!». Затормозил. Девочки облепили машину. Он деловито поинтересовался, почём «шурум-бурум» и почём «покурить»? Ему обозначили цену. «Для тебя подешевле, красавчик!»...

Владлен посмотрел на меня (дело было уже на следующее утро после памятного происшествия), и пояснил:

– Ну, для секса у меня есть жена, а вот «покурить»...

В общем, они сговорились. Девочка юркнула на заднее сидение, Владлен проехал метров сто в сторону, и тоже перешёл назад. Обнажив своё имущество, он приготовился к блаженному расслаблению. Путана, в тусклом свете салона порылась в своей сумочке, извлекла наугад упаковку презерватива, вскрыла её, вставила себе его в рот и мгновенно ртом одела, куда надо. Владлен заулыбался, и закрыл глаза. Процесс пошёл...

Вдруг она прервалась и сообщила:

– Тебе повезло!

– Почему? – удивился Владлен.

– Тебе достался фирменный презерватив. Он красного цвета и вишнёвый на вкус!

Владлен снова посмотрел на меня.

– А я подумал: «Да мне какая разница?!», – и радостно рассмеялся...

Он до сих пор часто вспоминает тот случай, и смеётся: «Мне повезло!».

Ну, что тут скажешь? Людям иногда везёт. Бывает такое...

Нам это надо слушать!

Чтобы закрыть тему про Владлена, расскажу ещё один эпизод с его участием, свидетелем которому был я сам лично. Сдавался новый многоэтажный дом (сейчас в Новосибирске, да и по всей России, их строят в огромных количествах), и мы проводили там пуско-наладочные работы. В квартирах во всю работали отделочники. Этажом выше нас трудилась молодёжная бригада, и была среди них одна юная 19-летняя особа, очень смешливая и, как все девчонки в этом возрасте, любопытная. А нам лет по сорок – взрослые, здоровые, красивые, опытные мужики. Владлен и эта красотка быстро сошлись – стали приятелями.

Я заметил – молодых девушек очень тянет к людям с сомнительным прошлым. Есть у таких людей своеобразный шарм, эдакое дьявольское обаяние. И девок к ним тянет, как мух на говно, или как пчёл на мёд (кому какое сравнение нравится).

Захожу в наше помещение, они стоят, болтают о всякой ерунде никчёмной. Оба смеются и очень довольны. А из радиоприёмника звучит «Радио-Фасон». Это не потому, что Владлен бывший сиделец, а потому что мы все любим слушать это радио.

Да простит меня читатель за эту невольную рекламу. Мне нравятся только две радиостанции: «Наше радио» – там рок, реальная музыка, и «Радио Фасон» – там слезливые песни о несчастной любви. Поют «пиз ..страдалыцы», как мы их в шутку называем. А мой, лично любимый певец – Стас Михайлов, поёт так, что душу рвёт. Парни надо мной смеются: «Лёшка, с тобой всё понятно, ты же сорокалетняя разведёнка. Конечно, тебя эти песни заводят!».

В общем, звучит «Радио Фасон», а на нём каждый час проходит специфическая реклама:

«У вас очень маленький член? Слабая эрекция, эякуляции не достаточно обильные? Есть решение этих проблем! Таблетки «Жеребец»! Протестированы в клиниках Британии и Пиренейского полуострова! Всего 999 рублей! А для слушателей «Радио Фасон» специальное льготное предложение 990 рублей! Звоните прямо сейчас!». И всё в этом же духе. Не знаю, почему именно на этом радио продвигается такая реклама, но, что есть, то есть. Видимо, сидельцы, слушающие это радио в казематах и готовящиеся к выходу на волю, не совсем уверены в своих силах, и потому тема очень востребована. Как бы там ни было – такая реклама звучит, и звучит постоянно.

Захожу. Эти болтают. Звучит «Радио Фасон», и вдруг девчонка спохватывается:

– Что вы всякую ерунду слушаете?! Я вам сейчас реальную радиостанцию настрою, вот там музыка, что надо!

И метнулась к приёмнику. Но Владлен её пресёк окриком:

– Стой! Не трогай ничего. На «Фасоне» специальные передачи звучат, нам это надо слушать!

Я рассмеялся. Девчонка ничего не поняла, и ушла к своим. Владлен пошёл переодеваться в спецовку. Вдруг выскакивает из раздевалки в одних плавках, весь синий от наколок – руки, ноги, грудь, спина – ссутулился, прищурился, руки развёл:

– Ну, где она?! Я уже готов!

Я смеюсь:

– Что, рекламы наслушался?...

Да, если у вас проблемы с потенцией или эякуляции не достаточно обильные, настройте «Радио Фасон»...

Мои первые тридцать.

У каждого человека есть талант. Я много думал на эту тему. Считал, что у меня тяга к написанию всевозможных текстов проявилась неспроста – на всё провидение господнее. Так было в юности, ибо писательскую стезю я выбрал очень рано – ещё будучи ребёнком я писал в тонких тетрадках сказки и фантастические рассказы, к которым сам же рисовал иллюстрации. Первым ценителем моих опусов была мама. Она отнеслась к моим первым опытам очень положительно – уж лучше сын пусть пишет, чем болтается в компании отъявленных хулиганов и пакостит. Когда мне исполнилось пятнадцать лет, я грезил о пишущей машинке, и вот, на 23-е февраля, на день Советской Армии и Военно-морского Флота мечта сбылась – родители подарили мне сто рублей, а дед Иван добавил ещё пятьдесят – 150, как раз хватало на аккуратный «Ортех». Печатать я научился по самоучителю (отец попросил у кого-то), и вскоре делал три дела одновременно, как Цезарь – перепечатывал текст со своих рукописей, написанных в тетрадях авторучкой, смотрел телевизор и умудрялся болтать на всякие отвлечённые темы, если рядом был собеседник... Когда в 17 лет я проходил первую медкомиссию в военкомате, то всем призывникам велели написать в анкетах о своих талантах. Я был честен: руководитель редколлегии в родном учебном заведении (главный редактор стенгазеты), хорошо рисую, очень быстро печатаю на машинке, русский язык знаю в совершенстве – пишу без ошибок.... Благодаря этому я попал в команду 33 (погранвойска). Я заранее загордился – буду служить на самой границе нашей великой Родины, ходить в дозоры, ловить нарушителей, и фуражка у меня будет зелёная! Было от чего гордиться – по приказу Гитлера фашисты не брали в плен три категории советских военнослужащих: партизан, политработников (комиссаров) и пограничников. Уж очень хорошо погранцы врезали агрессорам в первые дни войны... Но всё оказалось куда прозаичнее – пограничная форма оказалась красивой ширмой. Я попал служить в спецвойска КГБ. Горжусь этим, но, как профессиональный воинский праздник отмечаю 28 мая – день Пограничника.

Так вот, по прошествии стольких лет, уже будучи взрослым дядькой, я понял в чём мой основной талант, и он не в писательстве. Мой талант в спасении людей. Благодаря этому Божьему дару не прервало раньше времени свой жизненный путь множество людей, в том числе и я сам. В основном спасения происходили в армии – после я спас только трёх человек, насколько помню...

Так вот, этот рассказ о первых тридцати спасённых жизнях...

Я уже отслужил больше полугода, был батальонным писарем, имел звание младший сержант, служил в управлении батальона, во взводе связи. Седьмая рота третьего батальона выехала в горы на боевые стрельбы. Управление, естественно, вместе с ними. Управление делилось на три части: 1) высший командный состав: командир – подполковник, заместитель комбата – майор, зампотех – майор, начальник штаба – капитан, заместитель комбата по политической части (замполит) – майор, руководитель партийной и комсомольской ячеек батальона (парторг) – капитан., 2) взвод обеспечения: командир – прапорщик Мехтиев (из местных азербайджанцев), тыловик (ведающий вещевым довольствием) – старший прапорщик Таривердиев (тоже из местных). Мы все его звали старшина, на что он всегда злился и поправлял: «Какой я вам старшина?! Я старший прапорщик!». Личного состава, то есть, непосредственно бойцов, во взводе было шесть – восемь человек. Все они были водителями грузовых автомобилей и, по совместительству, поварами, когда батальон находился в полевых условиях., 3) взвод связи: командир – молодой лейтенант, только из училища (наши парни звали его на французский манер «мой Женераль», ему это очень нравилось). В составе взвода было четыре БМП-2, афганских, успевших повоевать в НДРА. Заместитель командира взвода младший сержант

Женя Фикс был командиром «Командирской машины» – БМП, в котором ездил сам комбат. Я был батальонным писарем, вёл всю документацию и командовал «штабной машиной» – БМП, в котором ездил начальник штаба, мой прямой и непосредственный начальник. Я подчинялся только ему одному, а на младших офицеров чхал (и правильно делал – должность обязывала). Третьей БМП заведовал Гена, младший сержант из учебки, БМП была начальника связи, в ней должен был ездить «наш Женераль».

Так вот, при выезде в горы на боевые стрельбы, вместе с седьмой ротой старлея Макарова, естественно, отправилось и всё управление батальона, в полном составе.

Стрельбы на полигоне шли своим чередом – ребята из седьмой роты били по мишеням из автоматов АКС (у нас были калибра 5,45), мишени располагались довольно далеко, на другой стороне ущелья. Комбат и его зам были на вышке управления стрельбами, тут же командир роты Макаров, его взводные летёхи ругались на вверенных им подопечных, следя за порядком проводимого мероприятия. Я записывал результаты стрельбы в специальные книги.

Была осень. Днём очень жарко, а ночи холодные до изнеможения. Взвод обеспечения остался в казарме учебной базы, расположенной на пустынном плато, внизу, в пяти километрах – готовили пищу или спали. Наши ребята, из взвода связи, сидели на постах в оцеплении по периметру полигона, следили, чтобы местные гражданские не попали под пули. Я всегда в юности злился, когда смотрел фильмы про войну с фашистами или гражданскую – там все разведчики шныряли по расположению войск, высматривая секреты, а когда их задерживали, отбрехивались: «Да, корова потерялась, Зорька, рыжая, на лбу белое пятно. Не видели такую?!», и их с миром отпускали. Я бесился: как можно быть такими тупыми и верить в рассказы? Ясно же, что эти хмыри, ищущие коров или лошадей – шпионы. И режиссёры, и сценаристы – уроды, не могли придумать что-нибудь реальное! А то штамп махровый: «Ищу корову!». «Ну, иди, ищи дальше!»... Так вот, прибыв в армию, на полигон для стрельб, я убедился в абсолютной правдивости этих киноисторий. Местные вечно лезли на полигон со своими баранами, они у них вечно терялись, и они их вечно искали!

Когда все в седьмой роте отстрелялись, уже смеркалось, и резко похолодало. Многих уже вывезли вниз – в казарму, остался только третий взвод (33 человека), они набились в бетонный домик, где была печка буржуйка, и дремали в полутьме и тепле, ожидая, когда приедет машина – ГАЗ-66 сержанта Амреева, весёлого паренька из Алма-Аты.

Я решил пострелять. Начальства уже не было – все уехали, один я болтался на вышке управления – надо было отключить мишени, вырубить электричество, прибраться, подготовить книги на завтра. Я всё сделал и решил поупражняться – стрелял я очень плохо. Хоть и готовился перед армией – регулярно посещал тир, где палил по мишеням из воздушки, но воздушка не автомат. А что удивительного в моей плохой стрельбе? Раз хорошо печатаю, значит, должен что-то делать плохо, например, стрелять. Получалось это у меня своеобразно. Одиночными из автомата попасть в мишени не мог никак (расстояния очень большие, их еле видно в прицел), но очередью из трёх патронов бил на сто процентов. Тут я решил отработать свою стрельбу одиночными. Пошёл к ротному дежурному по боеприпасам, взял два магазина от ручного пулемёта по 45 патронов каждый, перевязал их изолентой на афганский манер. Уж постреляю! Спустился в траншею, целюсь. Бах! Мимо. Бах! Мимо. Да чтоб тебя! Тра-та-та-та-та-та! Тра-та-та-та-та-та! Все мишени в хлам. Уши гудят. Оглох реально! Так-то. Не моё это – стрелять одиночными!

А тут совсем стемнело. Я продрог до изнеможения. А мне ещё требовалось сходить на пост, на гору, забрать парнишку из нашего взвода, что был в оцеплении – скоро должен был подъехать Амреев и забрать последнюю партию бойцов, и нас в том числе. Но, проходя мимо бетонного домика, из печной трубы которого так маняще валил дымок, я дал слабину: покемарю в тепле минут пятнадцать, а потом уже полезу в эту чёртову гору.

Вошёл. Тепло, красные блики от огня по стенам. «Вьётся в тесной печурке огонь!».

Парней, как селёдок в бочке. На полу, у стен, в углах. Все спят. Все в полном вооружении. Смотрю, у самой печки сидит Гена, что-то делает, причём увлечённо. Я пробрался поближе, растолкал парней, забился в угол – пятнадцать минут, отогреюсь, и уйду.

– Гена, ты чё делаешь?

– Да, здесь в гранате винтик. Хочу его открутить.

– Зачем?

– Хочу выяснить, для чего он.

Я закрыл глаза, и вдруг меня поразило: этот урод ковыряется штык-ножом в наступательной гранате РГД-5, находящейся в боевом положении. Открыл глаза, всмотрелся сквозь полумрак – точно!

– Гена, ты дурак? Прекрати эту хрень.

– Да ни чё не будет, Лёха. Надо всё знать. Для чего, почему?

– Хорошо. Выкрути взрыватель и ковырайся в нём, сколько тебе влезет.

– Ай.

– Сержант, я не понял тебя. Здесь тридцать с лихуем человек, а ты боевой гранатой играешься!

– Я не играюсь.

– Выкрути!

– Пожалуйста!

Гена, нервничая, выкрутил из гранаты взрыватель, откинул боевую часть на пол, словно картофелину.

– Теперь могу?

– Можешь.

Я успокоено закрыл глаза и привалился в угол: пятнадцать минут, и ухожу! Всего пятнадцать минут!

Хлоп!

– А-а-а! Сука! Пальцы отбило! – заорал благим матом Гена.

Все всполошились.

Сработал взрыватель.

– Ты сука! – заорал я, вскакивая. – Тварь! Идиот! Ты чуть всех здесь не угробил, имбецил! Шёл бы на улицу, и там бы сдох сам! Один! Из-за своего головотяпства. Урод!

Ребята шурились, не понимая, что это Лёша так взъярился на своего корешка.

– Ублюдок! – не мог я успокоиться.

– Лёшь, я не думал, что такое может случиться, только винтик открутил, – жалко оправдывался Гена, обсасывая отбитые пальцы.

– Пошёл вон! – в сердцах вымолвил я, встал, закинул автомат за плечо, и сам пошёл прочь, в промозглую темень раннего осеннего вечера. А парни, позёвывая, снова принялись дремать...

Я всё думаю – не замёрзни я во время стрельбы, не загляни в этот бетонный каземат, а пройди напрямую, на пост, в гору, что было бы? Тридцать с лишним трупов? А теперь у всех у них семьи, дети, у многих уже внуки. Прожит огромный отрезок жизни, которого могло и не быть...

Да, это были мои первые тридцать...

Тут вам не Москва!

Дело было зимой 2016-го. Мы ехали с дядей Васей на трамвае с гостей, оба подшофе, ехали до кольца. Я хотел добираться в свою холостяцкую пещеру по другому маршруту, но дядя Вася настоял:

– Выпьем ещё по стаканчику вина, и каждый – в свою сторону! Куда тебе торопиться? Насидишься ещё один, как сыч, в своём дупле.

Ползём мы на трамвае до кольца. Не то, что ползём – трясёмся, словно эпилептики в приступе. В Большом Городе самые новейшие вагоны пускают только по маршрутам, проходящим через центр. Есть такие красавцы, что Европа позавидует. Трамваи-лайнеры. Роскошные и современные... А на внутренних кольцах обитают вагоны семидесятых годов, в хлам убитые, холодные, вонючие. В народе их зовут «Недобитки». Ну, да ладно, бог с ними, с трамваями. Везде так... Едем.

Дядя Вася говорит:

– На кольце есть вагончик, где продают вино: Изабеллу и портвейн. Выпьем, поболтаем.

Вот этот вагончик – самая опасная клоака Большого Города... Там, действительно, не подают водку, только напитки, обозначенные, как винные. Это знаменитая Изабелла. Фиолетовая мутная дрянь. И портвейн – технический спирт, или спирт, сдобренный химической дрянью, плюс краситель. Заходишь в вагончик – всё чисто, аккуратно, пьяницы и алкаши мирно выпивают из пластиковых стаканчиков химическое пойло.

– Лёшкин, я беру нам по двести, – сказал дядя Вася.

– Добро.

В это же время рядом зрел скандал. Пьяный, грязный, давно не мывшийся мужчина в чёрном трико и распахнутом, замызганном пуховике, визжал на двух своих женщин-пропивох:

– Раз так, накажу всех! Всех! Где волына? Волыну мне!

Волыну он получил.

– Валишь буду всех! – заявил он громогласно, озираясь.

Мы вопросительно посмотрели на спокойных завсегдатаев. Те поняли немой вопрос, ощерились:

– Какая волына? Травматика!

Мы расслабленно потянулись за пластиковыми стаканчиками с пойлом. Хоть не убьют, только искалечат...

– Нет, вы, не понимаете! – бурлил уже вооружённый бузотёр, расталкивая своих женщин, пытавшихся ему помешать стрелять.

– Бах! Бах! Бах! – пошли выстрелы в потолок заведения.

Обозлённая, вся в золотых кольцах продавщица выскочила из своего загончика, рассерженно разразилась тирадой:

– Это что за стрельба?! Я вам устрою стрельбы! Тут вам не Москва!

– Я в потолок стрелял, – начал оправдываться бузотёр.

– Тем более нельзя! Идите на улицу! Там стреляйте, сколько вам влезет!... Что за люди... Разгорячённый злодей ретировался. Продавщица, посмотрев на нас опешивших, пояснила:

– Он больше не будет. Отдыхайте спокойно...

Мы с дядей Васей кивнули, выпили и закусили карамелькой, одной на двоих...

Граница.

Азербайджан. Республика Нахичевань – анклав, полностью отделённый территорией Армении. Посёлок Кивраг. Воинская часть, находящаяся в ведении КГБ СССР. На постаменте, на песчаном пригорке над гаражами со спецтехникой стоял легендарный танк Великой Отечественной войны Т-34, в абсолютно исправном, рабочем состоянии – раз в год его заводили, он скатывался по пологому откосу, и его, как следует, гоняли, после чего снова ставили на место, на почётную консервацию. Единственное, о чём сожалели – к танку не было снарядов. А были бы – приказ, и сразу в бой!

Изначально часть была обычная, мотострелковая. На огромном, красочном стенде, у большого плаца, между двух четырёхэтажных, длинных казарм, был отображён боевой путь части: в годы Великой Отечественной войны полк находился на территории Северного Ирана, своим присутствием остужал некоторые горячие властные иранские головы, готовые пойти на сотрудничество с Гитлером, а также контролировал «дорогу жизни» – мало кто знает, но в СССР Великобритания и США поставляли военную технику, боеприпасы и продовольствие не только морским путём – северными конвоями, гл и южным, сухопутным – через Ирак и Иран. В мирное время, в эпоху развитого социализма полк располагался здесь же, в Кивраге, а с началом Афганской войны принял в ней активное участие. В 1989 году полк снова вернулся в родные края. К моменту моего приезда в часть, на вооружении полка находилась вся та же афганская техника – те же автомобили «Урал» и БМП-2, покоцанные в боях. В связи с началом распада Союза и неспокойной обстановкой на госгранице, полк решили передать из ведома Министерства Обороны под крыло КГБ, и направить в помощь пограничникам. Форма у всех (рабочая) была мотострелковая, а парадная – пограничная: зелёные фуражки и зелёные погоны с буквами ПВ. Но это были спецвойска КГБ, приспособленные для решения своих специфических задач. Вот тебе и погранец!

Но на границе, у самого берега реки Аракс, уже за рядами колючей проволоки и кольцевой паутины, за широкой, распаханной контрольно-следовой полосой, я был раз пять. Это, конечно же, сильное ощущение. За спиной огромная страна, одна шестая часть суши, Родина, а впереди неширокая река с мутной водой, с поросшими камышом берегами, а дальше чужая земля – Иран. Повернёшь голову влево – вдаль, в зыбком мареве, виден Арарат, с ярко белой, заснеженной вершиной – Турция. Армяне до сих пор ненавидят Ленина за то, что тот, в обмен на признание своей власти на международной арене Турецкой республикой Ататюка, передал туркам священную гору. Да...

Но впервые я увидел границу не здесь, а в самом Азербайджане, когда воинский эшелон с призывниками вынесся к реке Кура – железная дорога шла вдоль самой границы. Да и сейчас она там проходит – кто бы построил новую! Со стороны Азербайджана был берег скалистый, и вода в куле прозрачная, голубоватая, а со стороны Ирана берег глинистый, и вода мутная, грязная. Прямо феномен – чёткое разделение воды посередине реки – вот она, граница двух миров: исламского и советского. С нашей стороны четыре или шесть рядов укреплений из заборов, колючки, распаханной полос, а со стороны Ирана – ничего, пустой берег, только раз в два часа проезжал открытый джип с четырьмя жандармами пограничной стражи в песчаного цвета форме, вооружённых карабинами...

Граница. Долго я к ней добирался – целых восемь суток шёл воинский эшелон. Восемь суток. Обалдеть. Я и обалдел, в компании своих земляков, с кем попал, с лёгкой руки нашего военкома в команду 33 – погранвойска...

Как вы помните, когда автобус с нами отогнали от призывного пункта на пустырь, и до поезда оставалось целых два часа, я один остался сидеть на переднем сидении ПАЗика, уткнув-

пился взглядом в перегородку, отделявшую место водителя от пассажирского салона, там ещё висели всякие инструкции и указания, и я подумал: «Что-то зря я в армию пошёл!». Впереди было два года неволи, два долбанных года я буду не свободен в своих поступках. Вот только что я разговаривал с отцом, с матерью, с сестрой, и они пошли домой, к своим привычным, повседневным делам, а я здесь, один, никому не нужный и неинтересный... Два года служить, а я уже домой хочу!

Это хорошо, что сейчас сделали для срочников всего год службы – год пролетает незаметно. А два – это срок! Правда, на мои замечания дядя Вася снисходительно фыркает (это тот, что в «Тут вам не Москва!»): два года фигня, я три года служил! Он мотал срок на Тихоокеанском флоте, и даже ходил в длительные, дальние походы в Южно– Китайское море, и видел лично Леонида Ильича Брежнева, когда тот посещал их корабль. У него даже есть фотография с памятной датой...

Что-то я отвлёкся с высоты прожитых лет. А тогда я очень даже пожалел, что ввязался по личной глупости и недоумию в армейскую двухгодичную авантюру...

Выдержав положенное время на пустыре, нас повезли на вокзал к пассажирскому поезду Новосибирск – Алма-Ата. Нас было двадцать три человека призывников, два сержанта, прапорщик и старлей (покупатели). Прапорщик и старлей, разместившись в начале плацкартного вагона, принялись пьянствовать, сержанты валялись на верхних полках – читали, мы – молодежь – смотрели в окна, веселились, предвкушая армейские приключения, и пожирали снедь, заботливо нагруженную в объёмные сумки родителями. У всех, ко всему прочему были по две коробки сухих армейских пайков: сухари, галеты, сахар– рафинад, свиная тушёнка, две маленькие банки с кашей – перловой и гороховой.

«Это чё, каша что ли?! Фу!».

Помню такие возгласы. С дуру кашу повыбрасывали в окна.

Один из пареньков получил прозвище Мясник. Он стал орать, что хочет мяса. Не нужно ему ни сладкого, ни колбасы, тупо давайте жаренного или вареного мяса!

Когда проводница принесла чай в стаканах, он схватил её за аппетитную попу: «Мяса хочу!». Проводница молча удалилась к себе, вернулась с металлическим совком, которым выгребают золу из печи, и как следует (но не больно!) отделала наглеца под всеобщий хохот.

До Алма-Аты добирались двое суток...

Вот она, красавица Алма-Ата, город, раскинувшийся в горной котловине, задыхающийся от смога. Тогда это была столица Казахской Советской Социалистической Республики. Но Назарбаев, по-моему, уже был у власти, уже руководил. После развала Союза он, чтобы уравновесить противостояние группировок южан и северян, перенёс столицу в голую степь, в самое сердце своего государства – в провинциальный городок Акмолинск. Местность, в переводе на русский, носила зловещее название Ак Мола – Белая Могила. Тем не менее, сейчас там раскинулась красавица Астана (по-русски Столица) – современный город. Кстати, моя младшая сестра Алёна несколько лет прожила в Астане, хоть и имела российское гражданство, работала начальником смены в одном из элитных казино. Это у нас, в России, сейчас в казино не поиграешь – только в специальных, игровых зонах, а в Казахстане – пожалуйста, приезжайте, играйте!

Ладно, бог с ней, с Астаной, вернёмся в Алма-Ату. Кстати, на русский переводится как «Отец яблок». Яблоки там, действительно, изумительные, особенно местный, фирменный Апорт. У меня в Алма-Ате родственники – Ивановы. Баба Аня, между прочим, родная сестра Антона Маслихова – героя Советского Союза.

Прибыл наш поезд на Главный вокзал Алма-Аты, а после, когда все нормальные пассажиры выгрузились, погнали состав дальше – на вокзал Южный. Там нас и сгрузили, и завели в огороженное высоким забором пространство – там под навесом уже сидели на асфальте местные призывники – алма-атинцы, 80 человек. Мы стали брататься. Старлей нам пояснил – дождёмся парней из Усть-Каменогорска, 35 человек, и поедем дальше...

К вечеру усть-каменогорцы прибыли, на пути подали длиннющий воинский эшелон, и нас, чуть ли не сто пятьдесят человека загрузили в один вагон! А другие вагоны для кого?! А для остальных, которых будем по дороге собирать!

Я спал на боковушке, на третьей полке – я самый маленький по росту, и мне там было удобно. А парни спали по двое на лежанках, и на полу, в проходах (постелей, естественно, не было, даже матрацев и подушек). Но сидел я у окна за откидным столиком – это место все сразу признали моим, и на него не претендовали. Я смотрел в окно на свою необъятную Родину, и разнообразные пейзажи сменялись пёстрым калейдоскопом... Ташкент, потом Киргизия, Таджикистан, Мары (Мерв. Туркмения), Бухара, Навои, Самарканд, пустыня Каракумы, Ургенч (Каракалпакия)...

Посреди пустыни состав встал. Жара и духота невероятные. Воду выпили всю, даже протухшую из умывальников в туалетах. Марево. Камни. Ящерицы. Колючки. Верблюды двугорбые... Тоска.

Сколько ещё ехать!?

Однообразное, тугомотное течение времени.

У алма-атинцев было развлечение – бить Чирика. Это был паренёк, крепкий, выносливый. Он не хлюпал, не сдавался, ходил драться в тамбур, постоянно давал отпор – но его всё равно толпой забивали ребята поздравей. Начальство не вмешивалось.

– Что вы его бьёте?! – спросил я однажды возмущённо у главного экзекутора – Аркаши – двухметрового здоровяка под сто двадцать килограммов веса.

– Лёша, да он урод! Мы с парнями на пункт прибыли ещё за сутки до вас, давай скидываться баблосами, чтобы вечером побухать. Решили – по десятке с носа. А он зажал десять рублей. Я не пью, поэтому и давать денег не буду! Чирик зажал, тля. Мы его и прозвали Чирик. Чмо он! Вот и бьём!

– Понятно, – успокоился я.

Да, в мужском коллективе существуют правила поведения, и их требуется соблюдать.

Ещё, когда Чирик спал, его по-детски мазали зубной пастой... Взрослыми мы ещё не стали – всё было впереди: бои, кровь, потери друзей...

Парни стали резать одежду, портить её, мол, когда приедем на место, старослужащие всё отберут. Я резать и рвать ничего не стал – ну, пусть возьмут, им в дороге домой пригодится, но на груди белоснежной майки написал авторучкой синими чернилами: Слава КПСС!

– Ты зачем это написал?

– Протестую. Все сейчас хаят коммунистов, советскую власть. А я против этой модной волны!

Вот такой я был оппозиционер наоборот!

Когда миновали столицу Хорезма Ургенч, многие пожалели, что изорвали, угробили свою одежду – мы въехали в Западный Казахстан, жара ушла, ночи стали холодными.

В Уральск мы не заезжали, славный город Яицкого казачества, откуда пошло восстание Емельки Пугачёва против крепостничества и Екатерины Второй, казахи его называли на свой манер Орал, но через Гурьев проехали. Город был основан русским купцом Гурьевым. Как сейчас он по-казахски называется, надо по карте посмотреть... А, если надо, сами смотрите – для меня Гурьев он и есть Гурьев. Весь перрон оккупировали продавцы рыбы...

Потом была Россия – матушка Волга и Астрахань. Степи Калмыкии, Дагестан. В Махачкале женщины плакали, глядя на нас, высовывающихся из окон – из вагонов не выпускали (воинский эшелон – не положено!), тянули нам батоны, булки хлеба, овощи, колбасу. Очень хлебосольные люди! Очень. Я не раз сталкивался с дагестанскими женщинами, и они всегда плакали, глядя на меня и кормили до отвала. Потом Кизляр. Далее ворота Кавказа – древнейший Дербент. Ночь прошла, сырой промозглый туман, горы, всё во влажной зелени – Северный Кавказ. Тогда ещё здесь было спокойно, это потом началось и до сих пор продолжается...

А после Каспийское море, вышки нефтяные, множество вышек, насосы– качалки, огромные нефтяные лужи – Баку, столица Азербайджана.

После продолжительной стоянки поехали дальше. Тогда-то я впервые и увидел границу СССР – река Кура. А до места – города Нахичевань, ехать было ещё более суток. Там располагалась отдельная дивизия и центр подготовки молодых солдат. В знойном, сорокаградусном аду предстояло провести две недели... Две недели – это разве срок по сравнению с двумя годами?! Как сказать... В общем, вот он я – пограничник, где моя зелёная фуражка?!

Погранец погранец видит издалека!

Самый конец девяностых – по-моему, если не соврать, 1999 год. Я с отцом взялись за объект в частной охранной фирме. Отец прекрасно выкладывал каминь и печи, а у меня была своя работа, но тоже грязная, и я, вместо спецовки одел свой армейский, пограничный камуфляж. Фирма была ментовская. Основатель, владелец, он же директор, после увольнения из органов (за что уж его оттуда поперли?! Тогда за оборотней не гнали), под шумок «прихватизировал» базу районного ДОСААФ – обширный двор с гаражами и хозяйственными постройками, и двухэтажное, двухподъездное кирпичное здание, постройки тридцатых годов двадцатого века. Фирма занималась сопровождением грузовых фур на межгороде – дороги тогда ещё были не спокойными, везде сидели местные банды, требовавшие мзду за проезд с дальнотойщиков. Всё это обговаривалось заранее, а охранник, вооружённый помповым ружьём, в основном был пассажиром, от которого ничего не зависело. Все сотрудники фирмы раньше служили в органах, кроме Лёхи – двухметрового гиганта. Он подошёл ко мне и спросил:

– Твои штаны? – кивнул на мои ноги.

– Мои.

– Ты погранец?

Я удивился:

– Откуда узнал?!

– У тебя камуфляж пограничный. Такая расцветка только у погранцов.

Вот оно что! А я даже и не догадывался, что расцветки камуфляжей выдают принадлежность к тем или иным войскам.

– Будем знакомы! Лёха! Тоже погранец! Когда служил? О, да мы одноклассники! Я в это же время служил, на Дальнем Востоке, в Приморье... Там климат такой гнилой – чуть поранишься, всё, язвы появляются и гниют долго– долго... Ну, Лёха, крабов я там поел, во! Каждый день крабы! А крабы это что? Чистый белок! Знаешь от них, как шишка стоит! Всегда! Постоянно! Наряд заступает на обход границы, инструктаж, проверка автоматов – и у всех стоит, штаны оттопырены. А в дозоре как лежать неудобно! На животе невозможно – шишка мешает. Только на боку – то на одном, то на другом. Весь извертишься!

Мой отец посмотрел на нас и заявил:

– Вот я смотрю на вас (а я Лёх много знаю): все вы, Лёхи, расп...дяи!

Четыре сержанта.

Нахичевань – это Закавказье. Если Северный Кавказ – это влажное лето, то здесь – знойный ад. Днём сорокульник и выше. Потому в полку в дневное время, в самую жару, был тихий час. В полдень обедали, потом пятое– десятое, и в час дня раздевались и укладывались в кровати отдыхать. Мы все смеялись – как в детском саду. Два часа сна. В три пополудни построение и продолжение рабочего дня.

Так вот, была суббота, а суббота в полку – санитарный день. С утра все идут в баню, моются, меняют нижнее бельё на свежее, после стираются самостоятельно и убираются внутри казарм – наводят чистоту в спальнях кубриках и в канцеляриях и каптёрках. После обеда командир полка и его замы, в сопровождении батальонного начальства, совершают обход, проверяют наличие чистоты – старательных хвалят, а нерадивым делают замечания.

После сытного обеда, когда наш батальон находился в горах, а в расположении оставались, помимо дневальных и дежурных, всего несколько человек, ещё не успевших уехать, мы, четверо сержантов взвода связи, решили поспать. Дело привычное: скоро час, глаза сами слипаются.

Я предложил:

– Давайте не в каптёрке на столах, а в кубрике нашем. Что тут такого? Разденемся, как положено, постели расстелем, и до трёх покемарим.

Так и сделали.

Но только мы залегли – сон, как рукой сняло!

– Ха! Давайте биться на подушках!

Ну, мы и схлестнулись. Перья летят во все стороны, мы по кроватям скачем – всё измято, избуровано в хлам!

Оборачиваемся – комиссия стоит в полном составе: командир полка, майоры управления, наш комбат и наш начальник штаба. Все молчат.

Мы замерли.

Следы преступления были на лицо.

Начштаба заверил начальство:

– Я их проучу!

Комиссия удалилась.

Начштаба обрадовался:

– Вас четверо! Полный комплект для наряда по роте! Замкомвзвода Фикс – дежурный, остальные дневальные. Сутки длинные – полы будете мыть все! А тебя, колобок, я замучаю! – погрозил он мне пальцем. – Ты у меня с тумбочки не сойдёшь!

Пошли мы на развод нарядов, все над нами смеются: «Это что такое? В наряд по роте идут четыре сержанта! Чтобы сержанты были дневальными – никогда такого не было! У вас что, бойцы кончились?».

В общем, побыл я дневальным. Хорошего, скажу я вам, мало...

Как говорил суворовец Ваня из фильма «Офицеры»: «Ох, баба, и драить же он полы будет!».

Ну и что?! Ну и драил! ...

Героический рейд. Освобождение заложников.

Была зима. Моя вторая зима в Закавказье. Она отличалась от первой – она была морозная и бесснежная. В первую зиму было завалилось мокрого снега, и температура в горах держалась в районе плюс– минус ноль. Но было очень холодно из-за невыносимой сырости. Я был тепло одет, но всегда зябнул. Помню, находясь в оцеплении, исполняя обязанности радиотелефониста, я возвращался с поста с гор в казарму полигона, и шёл вдоль ручья. В Нахичевани с гор спускаются множество быстрых ручьёв с прозрачной, ледяной водой. Пить её не рекомендовалось, так как в ней присутствовали холерные палочки. Так вот, иду вниз вдоль ручья, всё в снегу, наверное, январь месяц, а воде плавают серые лягушки. То есть, они не заснули – температура их устраивала. Я шёл в полной экипировке – автомат, подсумок со снаряжёнными магазинами, ручные наступательные гранаты РГД-5, сапёрная лопатка, фляжка литровая из белой пластмассы, да тяжеленная, громоздкая радиостанция старой модели за спиной. Ещё с афганской войны. Мы такие использовали до весны, потом пришли новые, портативные, которые носишь на боку, словно сумочку, и вес её не превышал килограмма. А эта старая бандура тянула на все пятнадцать. Я мёрз, мне было скучно, хотелось есть, и я развлекал себя охотой на лягушек, кидая в них камни. Уж чего-чего, а камней было в избытке. Горы – это такие штуки высоченные, усыпанные тоннами дроблённого камня с острыми краями. Ни в одну лягушку я, конечно, не попал, и даже не согрелся, но я их запомнил: январь, снег, сырость и холод, и лягушки резво сплавляются в потоках ручья.

Так вот, вторая зима кардинально отличалась от первой – она была совершенно бесснежной. Снег отсутствовал, как таковой. Как в Европе – вроде зима, а снега нет. Но было морозно. Днём ещё туда– сюда, минус пять, да солнышко светит, а вот ночью, во власти мрака и тьмы мороз крепчал до тридцатника. Мы с ума сходили, когда были в горах. Только на момент происшествия, о котором я собираюсь поведать, в горах дежурил первый или второй батальон, а наш – третий, нёс службу в полку. Было по-домашнему уютно: тёплая казарма, приём пищи в стационарной столовой, по выходным вечерами видео в клубе. Да, здорово. Это по сравнению с горами. На гражданке, конечно, в сто крат лучше. Хотя, кому как. Кому, как гласит пословица, война, а кому мать родна.

Сию я каптёрке. Она у нас состояла из двух комнат. Заходишь: шкафы с вещами нашего взвода связи, а во второй комнате большой квадратный стол, за которым мы любили пить чай или бухать ночами по праздникам, несколько стульев и лавка, три радиоприёмника, две полочки на стенах с книгами (книги я лично привёз из Нахичевани, когда ездил туда с нашим взводным, с Женералем: детективы там, приключения). В общем эта комнатка была нашим клубом – мы всегда в ней тусовались в свободное от службы время, и не только мы – у нас была масса гостей...

Так вот, сижу я за столом в этой комнатке, читаю газету или журнал, заходит посыльный из штаба полка.

– Лёшка, иди к командиру.

Я удивился:

– Зачем я полкану понадобился?

– Да не ему. Там ваш комбат, он тебя и вызывает.

Я сразу поскуучнел: опять напряжёт какой-нибудь писаниной.

– Хорошо, иду.

Пришёл в штаб – он у нас располагался в одноэтажном здании в виде буквы П, перед входом бил фонтанчик, отдал честь первому посту у знамени полка, прошёл мимо дежурного

офицера, ничего не объясняя – я в штабе был завсегда, двинул налево по коридору до кабинета командира, постучал, захожу:

– Разрешите?

Сидят четверо: комполка, его зам, наш комбат и начштаба.

– Заходи, Лёша, – разрешил комбат.

Я встал у двери.

Комбат продолжил:

– Леш, наших офицеров, из дивизии, армянские боевики у Садарака взяли в заложники. Сейчас мотанём, поговорим, чтобы отпустили.

Я кивнул: «Понял».

Комполка, его зам и наш начштаба смотрели на меня спокойно, без напряжения: решение было принято и одобрено единогласно.

Комбат продолжил:

– Поедем вчетвером. Я, ты, Фикса возьмём и твоего механика Тверю. На твоей машине поедем. Скажи Твери, пусть выгоняет из бокса. Чтоб всё было в ажуре. Встречаемся у ворот парка через двадцать минут. Фикс пусть оружия возьмёт побольше – чё там надо, сами посмотрите. И теплее оденьтесь.

– Еду брать?

– На базе поедим. Всё, давай.

Я двинул обратно.

В каптёрке как раз оказались все наши. Я велел Твери выгонять БМП, а сам с Женькой отправился в оружейку. Я взял свой проверенный АКС, четыре снаряжённых магазина с патронами, и каску. В каске очень удобно спать в БМП. Там надо быть или в танкистском шлеме, или в каске – во время езды так трясёт и болтает, что шишек набить проще простого. Ну, а я ещё и поспать собирался – как никак, до Садарака от Киврага было восемьдесят километров по асфальтовой трассе. БМП несётся быстро, но всё равно ехать больше часа.

Мой автомат, давно не чищенный, мне не нравился – он был тяжёлый. Надёжный, но тяжёлый. Как-то я, из-за лени, взял на боевой выезд не свой автомат, а укороченный, которым вооружены механики– водители – АКСУ, он легче, и имеет раструб вместо ствола – как у пиратов Бармаля в мультфильмах. Смешное такое оружие, не натуральное. Его ещё называют плевалка – после первой очереди, которая летит в цель, начинаются плевки: пули разлетаются во все стороны, только не куда надо. Так вот, эта облегчённая, укороченная плевалка у меня заклинила после первого выстрела, и я оказался в бою безоружным. Ярko помню это ощущение беспомощности. После я всегда брал «на дело» только свой, «тяжелый» автомат.

Оделся основательно: тёплое бельё, камуфляж зелёный пограничный, бушлат (такая фуфайка защитного цвета), шапка-ушанка серая солдатская, носки простые, носки шерстяные, тёплые портянки, укороченные кирзовые сапоги. И ведь гадство, всё равно в дороге ноги промёрзли до костей – внутри БМП холодища была невероятная. Зимой холодно, летом – ад, истекаешь потом в парилке, градусов до шестидесяти накаляется. Но машина хорошая. Сейчас уже БМП-3 на вооружении, но БМП-2 ещё предостаточно, их поменяют аж к 2025 году, судя по официальным заявлениям, и то не факт...

Так вот, Тверя выгнал мою штабную машину с территории автопарка, встал у решётчатых ворот, вылез, что-то протирает (гонит деловуху). Он, вообще, парень рукастый, почему и справедливо считался лучшим механиком-водителем в батальоне. В полку лучшим назывался Фаст из нашей седьмой роты, ему даже представление к медали «За боевые заслуги» выписали, но награды получили заместитель командира полка и полковой начальник штаба по прозвищу Онанист. Весь полк, построенный на плацу по столь торжественному поводу презрительно рассмеялся, когда они друг другу вешали медальки на грудь. Кто-то выкрикнул: «Почему Фасту не дали?!». Награждённому Онанисту пришлось оправдываться: «Мы отправили представле-

ние на Фаста, но подписали только нам»... Так вот. Но я считал лучшим Тверю. Я с ним ездил десятки раз, был в боестолкновениях. Он лучший.

Мы с Женькой подошли, открыли сзади десантные люки, покидали в «салон» автоматы. Стоим, ждём комбата. Он ещё успел домой сходить – военный городок из двух четырёхэтажек с малогабаритными квартирами для семей старших офицеров и общагой для лейтенантов, был тут же – на территории полка.

– Готовы? – спросил нас преувеличенно бодро.

– Да, товарищ полковник.

– Тогда поехали.

Из калитки автопарка вышел боец, в руках у него был аккуратный зелёный деревянный ящик.

– Стой, боец! – сразу тормознул его комбат. – Кто такой? Куда идёшь?

– Рядовой Петров, второй батальон. Иду в распоряжение.

– Что это у тебя? Открой!

Боец покорно откинул у ящика крышку – на матерчатой подстилке там покоились шесть ручных наступательных гранат РГД-5.

– О, то, что надо. Клади ящик в БМП, – кивнул комбат на раскрытый зев машины.

– Но, товарищ полковник! – взмолился боец.

– Скажешь комбату, я взял... Всё, свободен!

Конфисковав гранаты, погрузились: Тверя за рычаги, комбат с Женькой в башню, а я на место стрелка между механиком и командиром. Поехали.

«Буду спать», – решил я.

Ехали быстро. Я почти не бился головой в каске – дорога очень ровная, но уснуть не мог – промёрз до костей.

«Когда мы приедем?! С ума сойти от холода!».

Больше часа в пути. Заезжать в Садарак, на нашу базу, расположенную на территории разбитой школы, не стали – торопились. Промчались прямо по трассе в Армению. Миновали наш последний блок-пост у разгромленного винного завода и, не скрываясь, двинулись по дороге дальше. Через пять километров встали.

– Здесь, – мрачно произнёс комбат, наблюдая в перископ наведения.

У обочины слева располагалось длинное одноэтажное здание. Наверное, тоже бывшая школа. А может, раньше здесь было что-то другое, потому что забора никакого не было: дорога и здание у неё. Это был штаб местных сепаратистов. Боевиков, как мы их называли. Мы всех называли боевиками: и азербайджанцев, и армян – все они жаждали независимости и распада Союза. А мы, спецвойска КГБ, выполняли роль голубых касок по разграничению их межнационального конфликта, представляли здесь, в самой провинциальной дыре огромной и ещё целой страны, центральную власть, власть Москвы. Мы русские, и мы, как всегда, следили за порядком. Пытались следить. А Москва нам мешала. Если бы не Горбачёв и его приспешники, порядок бы был наведён, будьте уверены. Но тогда в Кремле думали о другом.

Комбат вздохнул:

– Пойду, вразумлю негодяев... Так, Фикс, сверим часы. Если не выйду через двадцать минут, не скажу, мол, всё нормально, разнесите всё там в хлам и уезжайте. Понятно?

– Понятно, товарищ полковник.

– Ну, ни пуха мне. Пошёл...

Я поразился тогда: какой он храбрый мужик, наш комбат Василий Иванович. Пошёл в логово, можно сказать, даже на смерть.

Он скрылся в дверном проёме здания, на крыльцо вышли двое в камуфляжах, с автоматами и в бронежилетах. Взрослые мужики. Наверное, бывшие афганцы. А нам по девятнадцать лет. Да, у нас образование, боевой опыт, выдержка, но нам всего по девятнадцать!

- Лёшка, – подал голос Женька.
- Ну.
- Уже восемнадцать минут прошло, никакого движения.
- Ещё две минуты.
- А потом? Что, правда, всё расстрелять?!
- Подождём.

Я испытывал невероятное спокойствие, что меня до сих пор поражает. Смотрел в смотровую щель на здание, на боевиков, стоявших у крыльца, спокойно куривших. Что там происходило внутри? Может, комбата уже пытали? Он сидел на стуле избитый, весь в крови. А может быть, он уже не был жив...

– Всё, двадцать минут истекли! – вскрикнул Женька. – Что делать?!

– Стрелять пока не будем, – сказал я. – Медленно поверни башню и наведи пушку на здание.

Башня пошла.

– Навёл. Дальше.

Боевики резво забежали внутрь.

– Дальше, – я задумался. А что я мог предложить? Надо было проявить выдержку и ждать. Просто тупо ждать. Чего только?

– Будем жать, – сказал я.

– Сколько?

– Не знаю. Ждём, и всё.

– Прошло пять минут.

Молчу, смотрю – никакого движения.

– Прошло десять минут.

Ничего не меняется.

– Пятнадцать минут! Лёшка, у меня уже руки затекли, палец на кнопке.

– Ждём. Жёня, ждём. Я чувствую – надо ждать...

– Восемнадцать минут.

– Ладно... Двадцать будет – херачь!

Распахивается дверь и на крыльцо выходят смеющиеся боевики – человек шесть, и наш весёлый комбат. Он замахал рукой, крича:

– Всё нормально! Всё хорошо! Отбой!

Мы все расслабились.

– Вот сука, – выругался Женька. – Весело ему. Чуть не убил всех.

– Жёня, отворачивай башню и поднимай пушку вверх – продемонстрируем наши мирные намерения.

После мы полезли наружу.

Тепло. Солнце греет. Хорошо. А пальцы в сапогах совсем потеряли чувствительность – промёрзли полностью.

И тут к нам подходит бородатый боевик с гранатомётом.

– Здорово, пацаны!

– Здорово.

– Печенье будете?

– Будем.

– А я, вон, за камнем сидел, справа. Если б вы только стрельнули, я бы жах, и вам амба! – он, смеясь, погладил свой снаряжённый противотанковой гранатой РПГ.

Мы переглянулись с Женькой – моя выдержка спасла не только жизнь комбата и тех смеющихся армянских бородачей, но и наши три: мою, Женьки Фикса и Твери. А Тверя невозмутимый опять своей грязной мазутной тряпкой что-то протирает! Улыбается довольно.

Гранатомётчик, угостив нас ещё редким тогда турецким печеньем, стал рассказывать какую-то смешную историю, мы улыбались, и светило солнце, и было очень хорошо и спокойно на душе. Быть живым очень приятно!...

А заложников мы не освободили. Их успели отпустить ещё до нашего приезда...

Соль.

Два месяца наш полк находился в блокаде – местные, нахичеванские, боевики, ратовавшие за независимость Азербайджана и выход республики из состава СССР, строили козни нам, «русским оккупантам» – отключили воинскую часть от электричества, и не пропускали к нам машины с продовольствием.

С отсутствием электричества полк справился легко – включили передвижные электрогенераторы, работающие на мазуте. Казармы, правда, оставили без электроснабжения, но штаб полка и столовая током обеспечивались исправно. А в пятницу вечером и в выходные (субботу и воскресенье) электричество подавалось и в клуб – видеосеансы шли по расписанию. В общем, ничего страшного. Это как сейчас западные санкции против России – кусают, но мы справляемся своими силами, и жить можно, и даже не плохо.

С продовольствием тоже был порядок – склады ломились, и даже постоянно поступало в столовую свежее мясо – свиноферма при полку была изрядная. Самообеспечение свининой – наследие Римской империи. Москва ведь Третий Рим. Когда римские легионы покоряли очередное государство, тут же ставили укрепленный лагерь и разводили свиней – быстрое мясное производство. Потому евреи не едят свинину, мол, грязное мясо. Это у них от тех времён осталось – от римского владычества. Свинина была пищей поработителей. Мы русские любим свинину. Как писал Николай Васильевич Гоголь, великий русский писатель, в одном из своих «страшных» рассказов, по-моему, «Страшная месть»: «Каждый православный человек должен есть свинину».

Кстати, яркий пример на тему. Я хоть и пограничник (парадная форма у нас в дивизии была пограничная), но на самом деле служил мотострелком – боевые действия на грунте – пехота, но в составе войск КГБ. Наш полк находился на усилении пограничных застав, и, как я уже писал, на самой границе я был раз пять, и пару раз был на настоящей пограничной заставе. Как-то был выезд прямо на заставу поздней осенью – разместили там одну роту из нашего батальона, установили большущие палатки человек на тридцать каждая, собрали железные кровати в два яруса, буржуйки установили, работающие на солярке. Мне там послужить не удалось – рота и наше управление (взвод связи и взвод обеспечения) остались, а меня начальник штаба отправил в этот же день обратно в полк: «Нечего тебе здесь без дела болтаться, возвращайся в штаб, бумажную рутину разгребай!». Так вот, что хочу заметить: подъезжаем к заставе – а это несколько домиков на пологом склоне, в окружении ильмов и абрикосовых деревьев, и всё вокруг изрыто ямами. Всё. И бродят свиньи. Здоровенные такие. Бродят совершенно свободно, на вольном выпасе. Быстрое мясо, всегда под рукой. Римляне были умные ребята, и мы соблюдаем их традиции...

Да, с электричеством мы разобрались, с пищей тоже. Но случился один прокол, и очень весомый – запасов соли в полку не оказалось. И два месяца мы жили без соли, то есть абсолютно. Ели пресную, невкусную пищу. Это очень отвратительно. Сухие пайки командование решило не транжирить, бог его знает, что ждало впереди – в столовой готовили обычную пищу, только без соли. Потом придумали вариант немного сгладить отсутствие в рационе столь важного для организма минерала. В начале года, когда ещё не было блокады, на полковой склад завезли просроченные американские консервы – это была гуманитарная помощь наших новых друзей. Тогда уже во всю Союз лихорадило, и заокеанские «партнёры» поощряли «новый курс» подачками в виде гуманитарных посылок. Помню, по вечерним новостным программам (тогда была программа «Время») восторженно сообщали о гуманитарных акциях: «Весь мир нас поддерживает в стремлении к демократии! Прибыл самолет с картофелем из Камеруна. Республика Кот д'Ивуар передала пятьсот килограммов бананов». Ну, и так далее. Американцы

прислали партию просроченного консервированного хлеба. Высокие банки, а в них круглые пластины из прессованного жареного зерна. И всё это очень солёное. Так вот, в столовой нам выдавали на раздаче порцию варева и пластинку американского хлеба. Крошишь её себе в тарелку, и вкус приобретает приемлемый оттенок... Но всё равно соли не хватало. Всё время хотелось солёного. Понимаю я беременных женщин! Мы тогда посмеивались между собой: «Солённого охота!».

И так мы мучились месяца два. А тут случился нам выезд в горы – командир батальона Василий Иванович взял меня, Женьку Фикса и моего механика Тверю, и мы ломанулись освобождать заложников в Армению (местные боевики захватили несколько офицеров из нашей дивизии). Про то в этой книге отдельный рассказ: Освобождение заложников. Героический рейд... Ну вот, после успешных переговоров мы вернулись обратно на территорию Нахичевани, на свою базу в посёлок Садарак. Комбат ушёл внутрь разбитой школы, где обитало всё наше воинское население, а мы, оставив БМП в огороженном колючей проволокой, импровизированном автопарке под охраной часовых на вышке, двинулись в столовую. Темно. Мороз крепчал. Мы были голодные и основательно промёрзшие. Столовая помещалась в здании разбитого, изувеченного разрывами снарядов, кафе. В мирное время оно было красивым – плавные обводы, витражи. Да, люди отдыхали (зона курортная), пили вино, ели шашлыки. А теперь зияли пробоины, стекло заменили листы фанеры. На базе тогда размещались наши восьмая и девятая роты. Мы по-хозяйски ворвались в кафе, разбудили поварят:

– Вставайте, на хрен! Кормите!

Но нас отшили: «Всё уже съели! Уже всё вымыто! В четыре утра встанем, будем завтрак готовить!».

– А нам что делать?

– Ну, нет ничего!

– Вы, варвары, мы сейчас сами искать начнём!

– Вот вам по банке каши перловой с бараниной.

Нам дали по маленькой банке каши. Но нас это не расстроило – нас поразило, что здесь, в обширном зале кафе, на столиках стояли солонки, полные соли.

– Парни, у них соль есть! – прохрипел я.

Женька Фикс тут же наехал на поварят:

– Соль давайте! Мы там в полку загибаемся от преснятины!

Полковой кризис с солью был здесь известен. Поварята встали в позу:

– Самим мало!

– Давайте!

– Ладно. Килограмма два дадим, и всё.

Нам отсыпали белого песка в матерчатый мешочек, Женька затянул его тесьмой, просиял улыбкой:

– Отличная добыча!

– Да, – согласились мы с Тверёй.

Но добытого казалось мало. Мозги у нас работали исправно и быстро – выйдя из кухни в обеденный зал, мы переглянулись и кивнули друг другу: «Да». Быстро пошли вдоль столов, опустошая в наш заветный мешочек содержимое солонки – ещё с полкило набралось.

На следующий день, утром, мы вернулись в полк, по дороге прорываясь сквозь вражеские блок-посты, подвергаясь обстрелам (вся обшивка башни БМП была в пулёмётных пулях)...

Так вот, только мы вернулись, как герои – нас встречала масса народа, только вошли в каптёрку, похвалившись парням:

– Во, соль! Будем помаленьку с собой брать в столовую, нам надолго хватит! – тут же народ прочухал это дело (в полк привезли соль!), потянулись гонцы из рот и других батальонов.

– Пацаны, делитесь, умираем без соли!

Ну, что делать? Стали отсыпать в пакетики граммов по двести. И самим нам осталось в итоге тоже граммов двести. Соль она и есть соль. А как иначе? Не поделиться с боевыми товарищами мы не могли. Ладно, хоть несколько дней, да ели нормально солёную пищу.

Порно-порно!

Многие помнят фильм о «лихих девяностых», где главный герой, в исполнении великолепного актёра Басилашвили, солгав молодой девушке, что он кинорежиссёр и что пристроит её в Голливуд, женился на ней, а после фотографировал её обнажённой, в генеральском кителе с орденами, и продавал эти откровенные фото из-под полы на Арбате. При этом он рекламировал свой товар, озираясь с опаской: «Порно-порно! Порно-порно! Порно!»...

Так вот, история на эту тему.

Наш полк продолжал находиться в блокаде со стороны нахичеванских боевиков – выйти за пределы части в посёлок было проблематично, могли захватить в заложники, потому выходили по трое–четверо и в сопровождении офицеров, естественно, с оружием наперевес. Такое резкое охлаждение к нам со стороны местного населения, прежде бывшего радушным, вызывало обиду в душе: «Чем мы вам, русские, помешали?». Соляной кризис закончился – в полку, после двухмесячного терпения и мучений, приняли волевое решение – никто нас не пожалеет и не спасёт: ни местные власти, рвущиеся к независимости от центра, ни далёкая Москва, потому действовать следует самостоятельно и с применением силы. Была сформирована колонна из нескольких грузовиков плюс несколько боевых машин пехоты. Афганский опыт сопровождения колонн в горах пригодился – экспедиция успешно достигла соляного карьера, расположенного в нескольких десятках километрах от полка, грузовики под завязку забили ценным минералом, и привезли это богатство в расположение части. Ох, друзья, какое это наслаждение – есть вкусную, в меру подсолённую пищу, а не давиться преснятиной!

Была зима, бесснежная, но морозная. В полку осталось совсем не много людей. Два батальона – первый и второй выехали в горы на дежурство в зоне разграничения армяно-азербайджанского конфликта, наш – третий, нёс всё бремя караульной службы: охранялись все склады, боевая техника, работала столовая в прежнем режиме. В казарме находилось не более двух десятков свободных от нарядов бойцов и младшие офицеры. Старлей Макаров, командир легендарной седьмой роты, организовал нам встряску, чтобы «проснулись» – провели учения по отражению внезапного нападения боевиков на казарму. Несколько раз поднимались по тревоге, получали оружие и занимали заранее определённые места для обороны. После обеда нас надо было чем-то занять, и было принято забавное решение: организовать видеопросмотр в бывшей Ленинской комнате. Притащили туда телевизор. Начальник клуба (корешок Макарова), принёс свой видеомagneтофон и кассеты. Народу набилось множество – человек пятьдесят (это весть разнеслась по полку, и люди подтянулись: «В третьем батальоне будут порно смотреть!»). Пришли все взводные летёхи, майор замполит Тиц, кто-то ещё из старших офицеров. А что было делать? Пить нельзя: в Советской армии и теперь в Российской – сухой закон. Завесили одеялами окна, чтобы было темно, и понеслось: оргии на экране сменялись ещё более развязными оргиями. Да, я многому тогда научился, за эти четыре часа...

Когда пошли ужинать, я подумал о Женьке Фиксе, который повёз родственникам тело погибшего бойца в Узбекистан. Женька сам был из Навои, а везти гроб было в Бухару, то есть рядом. По негласному правилу, срочника, который принимал участие в сопровождении гроба и после присутствовал от полка в похоронных мероприятиях, досрочно увольняли. Женька своё уже отслужил... Да, так вот, если бы он был здесь и увидел всё то, что увидел я, он бы сказал своё знаменитое: «Однако!». Но я был один в этом неуютном, бесснежном, но морозном, горном мире, и мне было грустно...

Порно-порно! Порно-порно!...

Забавно, но не смешно...

Никогда не покупайте просроченных продуктов!

День пограничника, двадцать восьмое мая, два часа тридцать шесть минут ночи. Выспался, попил чаю с шоколадной конфетой, готов писать, а часов в пять утра пойду на рыбалку – тут река под боком, метров двести от дома или меньше, красавица Обь...

В последнее время, начиная с конца мая, у меня вошло в привычку ложиться спать рано, часов в девять – десять вечера, и вставать в три, в пять утра. Успеваешь выспаться, и пишется хорошо. Воспоминания накатывают волной.

Но вчера, в субботу, я не встал в пять утра, и не сел писать. Я проспал до семи, а подняться с постели оказалось мучительной проблемой – все внутренности (обе почки, печень, поджелудочная) воспалившиеся с вечера, горели внутренним жаром и дёргали вспышками острой боли при попытке любого движения. Отравился! Жестоко отравился... Но я человек дисциплинированный, суббота у меня рабочий день, подводить коллег не имею права – заглотил горсть таблеток дротаверина (от болевых спазмов, аналог но-шпа, только разрекламированная но-шпа стоит около 300 рублей за упаковку, а дротаверин – 14 рублей) плюс аллахол в помощь печени, и поехал, терзаемый болями, в самый центр города Новосибирска, в район Центрального рынка и стадиона «Спартак» – там вводился очередной дом в эксплуатацию, и надо было завершить все формальности к шестому июня, дню рождения дорого всем нам, великого Александра Сергеевича Пушкина. Вы не подумайте, что возникла традиция, существовавшая в советское время – сдавать объекты к праздничной дате, просто так совпало.

Кстати, о дне рождения Пушкина. Лет пять назад было. Я тогда ещё иногда выпивал, и делал это, обычно, в конце рабочего дня, и шёл домой подшофе, нисколько не боясь разъездов и патрулей уличной полиции. Так уж сложилось, что я этим ребятам никогда не был интересен. И все на работе знали, что если будешь даже «совсем в хлам», и рядом будет Лёша – ментов ты благополучно минуешь. Был вечер шестого июня, а у меня день рождения завтра – седьмого, но отмечать стали уже заранее. Идём вдвоём вдатые после «вечеринки», болтаем, каждый держит в руке по бутылке пива и отхлёбывает по мере необходимости, не обращая внимания на окружающих. А в то время уже существовал запрет на распитие лёгкого алкоголя в общественных местах. Менты лютовали. Штраф, конечно, был символический – сто рублей, но время на составление протокола, написание объяснительной и нравоучительные беседы, отнималось до нескольких часов – этим и наказывали, временем... Переходим мы трамвайные пути на улице Блюхера при пересечении с Геодезической (это для новосибирцев поясню, чтобы было понятно, где всё происходило), пиво отхлёбываем и вдруг резко тормозит за нашими спинами ментовской УАЗик – он даже метров двадцать успел проскочить вперёд – так быстро мчался. Выскакивает в штатском умник (видимо, опер какой-то), и к нам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.